

чрезвычайно отдаленными, но свежими ассоциациями, исключительная обостренность ощущений, патетическая напряженность, спадающая только к концу рассказа,—все это указывает на прямое родство Бабеля с немецкими экспрессионистами. Я намеренно говорю о родстве, а не о влияниях, потому что в основном автор совершенно самостоятелен и своеобразен. В каждой вещи видны следы напряженной, почти мучительной работы над стилем. В сознании читателя заполнена каждая пауза, надолго запоминаются эпитеты (напр., «вороватые огоньки»—можно ли лучше сказать о ночных огоньках?), двумя-тремя описательными штрихами он заставляет нас остро почувствовать военную тревогу перед неизвестностью ночного боя: «начдив уже готовился уезжать. Ординарцы стояли перед ним на вытяжку и спали стоя. Спешенные эскадроны ползли по мокрым буграм.

«Прижалась наша гайка»,—прошептал начдив и уехал. Мы последовали за ним по дороге в Ситанец.

Снова пошел дождь. Мертвые мыши поплыли по дорогам. Осень окружила засадой наши сердца и деревья, голые мертвецы, поставленные на обе ноги, закачались на перекрестках».

Если говорить о недостатках книги, то прежде всего придется отметить, что автор не совсем вплотную подошел к героическому быту Кон-армии, взял тему не во всей ее широте. Вероятно, очки («очкастым интеллигентом»—иронически называет себя писатель) помешали ему это сделать.

Хочется, чтобы автор наметил некоторые пределы «пафосу плоти», остроте сексуальных ощущений.

Бабель обещает надолго остаться в литературе, тем естественнее требовать, чтобы он перешел от разработки эскизов к широкому полотну.

Н. Б.—ский.

П. Яровой. Повесть о человеке. Москва. Гиз. 1924 г. Стр. 147. Цена 60 коп.

Издавая эту книгу, П. Яровой имел очень хорошее намерение. И книге сопутствует такой эпиграф:

«Что я скажу о великом Ильиче, который вместил в себя миллионы

волю. Я склоняю перед ним писательское знамя и расскажу простую повесть о таком же «маленьком человеке», как я сам. Это повесть о сиволаном мужике, о том, кого считали получеловеком, кого только Ильич сумел разгадать и двинуть его волю на путь строительства мира».

Так вот, в селе Крутогорове жил такой, звали его Марк Петрович, а по прозвищу «Получеловек». Это прозвище дал ему, конечно, автор книги. Отец «Получеловека» служил некогда у помещика, вздыхал о господе, спрашивая, где правда. Искание правды перешло по наследству, как заявил автор, и к его сыну, Марку Петровичу. Тот почему-то обратился за поисками правды к учительнице, потом к попу. Правды, надо сказать, ни у той, ни у другого не добился. Тем временем шла война с немцами. Марк, неведомо зачем, бросил жену, ребят, и утек из дома. За время его отлучки жена его Марфа сошлась с пленным австрийцем. Марк вернулся домой, принимал участие в февральской революции, в гражданской войне, покуда не укрепились соввласть.

С темой перерождения «получеловека» в человека, хотя бы и маленького, П. Яровому (пусть он тоже маленький, как он заявил) справиться не удалось.

Неубедительны и разговоры фигурирующих в повести людей. Жена Марка, выросшая в деревне, разговаривает всерьез в трагический момент так:

«Теперь уж не посадят тебя, мой лохматенький мужичок».

А вот П. Яровой посадил себя, издав плохую книгу».

В книжку вошли еще две вещи: «В горном блеске» и «Старики», написанные не лучше «Повести о человеке».

В. Л.

Петр Орешин. «Соломенная плаха» Стихи. Том 2-й. Гиз. 1925 г. Библ. соврем. русской литературы. Страниц 215.

«Соломенная плаха», соломенная Россия, но не потому, что она—Скифия, вековая Азия, как неизменно получалось у символистов. Нет. Соломенная только потому, что